

О некоторых аспектах эволюции внешней политики Японии

Добринская Ольга Алексеевна

Кандидат исторических наук, старший преподаватель Дипломатической академии МИД России, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: doa_78@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются процессы, характеризующие изменения внешней политики Японии после окончания холодной войны. Особое внимание уделено академическим подходам к внешнеполитической стратегии, дискуссиям относительно международной роли Японии, а также их отражению в реализации внешнеполитических инициатив.

Ключевые слова: безопасность, security, Япония, Japan, внешняя политика, foreign policy, S. Abe, international role, С. Абэ, международная роль

Процессы, происходящие в мире после окончания глобального биполярного противостояния, существенным образом изменили картину международных отношений. Исчезновение старых угроз и появление новых, ускорение глобализации и регионализации, усложнение информационного фона требуют модификации внешнеполитических стратегий. В 1990-е годы Япония столкнулась с необходимостью пересмотреть принципы, следование которым позволяло ей избегать вмешательства в международные конфликты и сосредоточиться на экономическом росте. Сегодня Япония обладает всеми атрибутами великой державы. Она занимает 3-е место в мире по размерам ВВП (в 2016 г. он составил 4,939 трлн долл. [1]), является вторым после США по величине донором в ООН и МВФ, а также одним из лидеров по объёмам предоставления Официальной помощи развитию (ОПР). Её Силы самообороны оснащены по последнему слову техники, и она обладает возможностями в течение нескольких лет создать собственное ядерное оружие. При желании Япония могла бы стать крупнейшей военной державой в регионе, однако, несмотря на свою впечатляющую экономическую, политическую и военную мощь, Япония до недавнего времени предпочитала вести себя пассивно на международной арене. В связи с этим возникает вопрос, почему окончание глобального биполярного противостояния не привело к тотальной смене Японией своей внешнеполитической модели поведения? Является ли политика С. Абэ сменой парадигмы или модификацией прежней стратегии? Являются ли нынешние изменения заслугой сильного лидера или закономерным итогом адаптации Японии к новой международной среде?

Академические подходы к японской внешнеполитической стратегии

В академических кругах сформировалось две группы, придерживающиеся полярных подходов к японской внешней политике. Первая группа исходит из того, что Япония является реактивным, или реагирующим, государством, внешняя политика которого представляет собой не результат большой стратегии, а формулируется в ответ на международные события. Наиболее известным выразителем этой точки зрения является американский профессор К. Калдер. По мнению К. Калдера, японской политике присуща инертность, а основной её движущей силой является давление извне (гайацу). В основе этой инертности лежат особенности политической культуры и глубоко укоренившийся па-

цифизм. Эта точка зрения исходит из того, что политика обеспечения безопасности основана на национальном интересе в узком его понимании и представляет собой компромисс между внешним давлением со стороны США и пацифистски настроенной общественностью.

Вторая группа учёных считает, что внешнеполитическая пассивность не свидетельствует о неспособности принимать решения, а, напротив, является результатом стратегического расчёта, основанного на национальном интересе. Япония позволяет другим брать инициативу в международных делах, в то время как сама незаметно укрепляет собственную экономическую и техническую мощь и увеличивает дипломатическое влияние. Дж. Линд называет это «перекладыванием ответственности» (buck passing) [2]. Такая стратегия вполне логична для державы среднего звена, которая не сталкивается с непосредственными угрозами безопасности и доверяет защиту своих жизненно важных интересов сильнейшему государству в мире. Согласно этой точке зрения, понимание национальной мощи в Японии значительно отличается от американского - в центр этого понятия ставится не военная сила, а экономический и технологический потенциал. Профессор Р. Сэмюэлз называет такую стратегию «меркантильным реализмом», Дж. Пай, Р. Дрифт - «комплексной безопасностью», М. Грин - «оборонительным реализмом» [3].

Если приведённые выше трактовки японского внешнеполитического поведения основаны на рассмотрении её через призму реализма, то американский профессор Т. Бергер предлагает применять к ней либеральную модель «адаптирующегося, или адаптивного, государства» [4]. Согласно этой модели, Японии присуща способность быстро перенастраиваться и адаптироваться к меняющемуся миру переосмысливать эти изменения и внедрять их в национальную стратегию. Движущей силой внешней политики Японии является не столько наращивание национальной мощи, сколько либеральные устремления к налаживанию многостороннего сотрудничества, увеличения своего присутствия в международных организациях, участия в решении глобальных проблем. В то же время либеральная тенденция в японской внешней политике имеет свои ограничения, такие, как нарастание межгосударственных противоречий с Китаем и усиление реалистских тенденций в регионе.

Существенный вклад в изучение японского феномена внесла конструктивистская школа, которая делает акцент на нормах, формирующих поведение политических игроков. В отношении

Японии ученые выделяют несколько норм внешнего и внутреннего характера, которые определяют особенности её внешнеполитического курса [5, с. 65-68].

К внешним нормам относится приоритет двусторонних отношений («билатерализм»), а именно центральное положение альянса с США в послевоенном внешнеполитическом курсе. «Азиатизм» делает акцент на отношениях с азиатскими странами, их общей с Японией идентичности, и его проявлением можно считать традиционную посредническую роль, которую Япония стремится играть как мост между Западом и Востоком. В японском внешнеполитическом поведении можно выделить установку на трехстороннее взаимодействие Японии, Европы и США, или норму «трилатерализма». Она служит для уравнивания региональных и глобальных интересов Вашингтона и одновременно для поддержки союзника в рамках многосторонних институтов. После окончания холодной войны развитие в японской внешней политике получила норма интернационализма. Она находит выражение в стремлении расширять сотрудничество с мировым сообществом, увеличивать вклад в обеспечение международной безопасности, в частности, за счет участия Японии в миротворческих операциях и финансирования деятельности ООН. В целом действие международных норм на японскую внешнюю политику направлено на её активизацию - как на региональном, так и на глобальном уровне.

Значительное влияние имеют внутренние нормы, которые зачастую вступают в противоречие с нормами международными, препятствуя выполнению Японией новой роли, адекватной постбиполярным реалиям. Прежде всего это пацифизм, возникший как результат трагического опыта Второй мировой войны и атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Пацифизм является мощным препятствием на пути легитимации использования вооружённой силы как инструмента государственной политики. Ещё одной укоренившейся в японском обществе нормой является «ориентация на развитие», суть которой состоит в попытках Японии равняться на Запад как экономически, так и с точки зрения политического и культурного влияния, а также выступать как ролевая модель для развивающихся государств. Существенным элементом, влияющим на формирование внешнеполитических приоритетов Японии и на её положение в системе международных отношений, является норма «экономизма», ставшая определяющей в период ускоренных темпов роста и подкреплявшая «доктрину Ёсида».

Американский ученый Э. Орос выделяет понятие «идентичности безопасности», определяющей эволюцию внешней и оборонной политики страны. «Идентичность безопасности» - это набор коллективно исповедуемых принципов, касающихся подходящего поведения государства в сфере безопасности, которые пользуются широкой политической поддержкой и которые институционализированы в процессе принятия политических решений. Идентичность безопасности послевоенной Японии опирается на три принципа: отказ от обладания вооружёнными силами, от использования военной силы, кроме случаев самообороны, отказ от участия в войнах [6, с. 140].

По мере изменения среды безопасности соотношение влияния различных норм на формирование внешней политики изменяется. Так, крах «экономики мыльного пузыря» дискредитировал в глазах многих японскую модель развития, а рост Китая, в том числе вытеснение им Японии со второго места по размерам ВВП, даёт повод сомневаться в возможностях японского лидерства в мире и в Восточной Азии. Постепенно изменяется отношение населения Японии к зарубежной деятельности Сил самообороны, широко обсуждаются вопросы применения военной силы, что было немислимым ещё пару десятилетий назад.

Дискурс по вопросам политики безопасности в послевоенный период позволяет говорить о существовании четырёх «лагерей» - пацифистски настроенных левых сил, умеренных консерваторов, считающих, что Японии следует сосредоточиться на политике торговой, а не военной державы, и участвовать в решении мировых проблем с помощью экономики, правых консерваторов, отстаивающих необходимость постепенного вооружения страны, а также крайне правых сил националистического толка, призывающих к обычному и ядерному вооружению Японии и проведению ею независимой внешней политики [7].

Дискуссии о политике обеспечения безопасности

Новые реалии высветили недостаточность «экономической дипломатии», на которую долгое время делала ставку Япония, обозначив слабые стороны «доктрины Ёсида». Первым «звонок» для японцев стал кризис в Персидском заливе, во время которого Япония не направила Сил самообороны для участия в международной коалиции, однако выделила на финансирование операции огромную сумму - 13 млрд долл. Критика со стороны мировой об-

щественности (прежде всего, США) и даже отсутствие Японии в списке стран, которым Кувейт выразил официальную благодарность, стали ударом по национальному престижу. Внешнеполитический провал Японии 1991 г. оставил горький осадок у японских политиков и дал старт дебатам о том, как должна измениться Япония после холодной войны.

В постбиполярный период спектр взглядов на политику безопасности в целом сохранился, однако интернационализация внешней и оборонной политики способствовала наполнению дискуссий новым содержанием. В частности, водораздел между различными направлениями стал проходить по двум вопросам: 1) отношение к союзу с США и 2) необходимость применять силу в целях обеспечения международной безопасности. Р. Сэмюэлз выделяет в постбиполярный период следующие направления: пацифисты (левые), в рамках консервативного лагеря - «среднедержавники» и сторонники «нормального государства», а также неоавтономисты (ультраправые). Если консервативные силы считают США важнейшим гарантом безопасности Японии, то пацифисты и неоавтономисты отрицают необходимость союза с США. Кроме того, сторонники «нормального государства» и неоавтономисты признают возможность использования вооружённой силы, в то время как «среднедержавники» и пацифисты выступают против этого [8].

Из этого спектра мнений относительно будущего страны в качестве наиболее приближённых к реалиям постбиполярного мира можно привести следующие точки зрения. Первая - это видение Японии как государства, которое могло бы полноправно участвовать в системе коллективной безопасности, а также проявляло бы активность на международной арене и принимало на себя риски, связанные с внешней и экономической политикой, чтобы укрепить международный престиж и государственную мощь. Под руководством депутата И. Одзава был выпущен доклад «Роль Японии в международном сообществе», в котором говорилось о необходимости пересмотреть толкование девятой статьи Конституции, с тем чтобы Япония могла участвовать в операциях ООН по поддержанию мира. Предлагалось взять на вооружение принцип «активного пацифизма», то есть, опираясь на Конституцию, действовать в интересах установления мира во всем мире [9]. Особый резонанс вызвала книга И. Одзава «Программа для новой Японии», а его выражение «нормальная страна», укоренилось как понятие, обозначающее государство, которое имеет пра-

во использовать военную силу и готово делать это в целях обеспечения международной безопасности под эгидой ООН.

Вторая группа выступала за скромную модернизацию Сил самообороны в рамках прежней модели сотрудничества с США, с тем чтобы, опираясь на статус пацифистской державы, координировать международные усилия в социально-экономической области, руководствуясь целями обеспечения мира, стабильности, процветания и благосостояния людей. Одним из идеологов этой точки зрения стал известный журналист, впоследствии главный редактор газеты «Асахи» Ё. Фунабаси, выдвинувший концепцию Японии как «глобальной невоенной державы», продвижение которой на международном уровне будет способствовать снижению значимости военной силы в мире и позволит создать благоприятную для японских национальных интересов внешнюю среду [10].

Внешняя политика 1990-х годов: поиск новой глобальной роли

Первые попытки выработать внешнеполитическую линию после холодной войны во многом перекликались с американской стратегией национальной безопасности. Отношения с США продолжали оставаться краеугольным камнем политики обеспечения национальной безопасности. После недолгого периода неопределённости и опасений по поводу ухода США из Азии стороны в 1996 г. подтвердили незыблемость союза безопасности, а в 1997 г. были подписаны новые Руководящие принципы оборонного сотрудничества, расширившие сферу ответственности альянса фактически на весь регион.

В то время как магистральное направление японской внешней политики не претерпело существенных изменений, трансформация международной среды после холодной войны давала Токио возможность расширить горизонты внешнеполитической деятельности, чтобы привести политическую роль в соответствие с экономическим статусом.

В 1990-е годы в Голубых книгах по дипломатии начал фигурировать тезис о намерении Японии играть важную роль в создании нового мирового порядка. Во внешнеполитическом дискурсе 1990-х доминировала либеральная риторика, что во многом было связано с распространёнными в то время представлениями о снижении важности военной силы и выходе на первый план проблем глобального характера. В 1991 г. премьер-министр К. Миядзава заявлял, что в деле строительства нового мирового порядка

международная роль Японии будет расти [11, с. 349]. Эта роль предполагала большую активность в региональных делах, участие в межрегиональном сотрудничестве, а также имела глобальное измерение.

Во-первых, значительно изменился подход Японии к многостороннему взаимодействию в Восточной Азии. В годы холодной войны Токио не стремился к выдвиганию каких-либо интеграционных инициатив в регионе, а вопросы безопасности предпочитал обсуждать только с Вашингтоном. С конца 1980-х - начала 1990-х годов Япония начала выработку предложений, касающихся налаживания регионального сотрудничества, в том числе в сфере безопасности в её широком понимании. Японские идеи были воплощены в проектах по созданию АТЭС, АРФ.

Во-вторых, Япония начала налаживать связи с новыми внешнеполитическими партнёрами. На новый уровень вышли отношения Японии и европейских стран, как двусторонние, так и по линии ЕС, НАТО, ОБСЕ и других структур. Япония начала активно выстраивать отношения со странами постсоветского пространства. Горизонты японской дипломатии в 1990-е годы достигли и Африканского континента: в 1993 г. была организована первая Токийская конференция по развитию Африки (ТИКАД), давшая начало стратегически важному сотрудничеству.

Основными направлениями, на которых Япония сосредоточила свои усилия по достижению нового статуса в мире, стали содействие социально-экономическому развитию, а также миротворчество и постконфликтное восстановление. Хотя участие в ОПМ ООН стало результатом импульса извне (кризиса в Персидском заливе), со временем проблемы миротворчества, постконфликтного восстановления были прочно инкорпорированы в политику обеспечения национальной безопасности. Принятие в 1992 г. Закона о содействии международному миру открыло дорогу для участия Сил самообороны в операциях по поддержанию мира, хотя оно сопровождалось большим количеством ограничений. В 1993 г. Силы самообороны были направлены в Камбоджу, а затем участвовали в ОПМ в Мозамбике, Восточном Тиморе, на Голанских высотах и в других точках мира. Миротворческая деятельность со временем прочно вошла в сферу ответственности Сил самообороны.

Для Японии, видевшей возможности реализации глобальной «творческой роли» в получении места постоянного члена СБ ООН, значительный интерес представляла концепция «безопасности человека», выдвинутая в докладе ПРО ООН в 1994 г. Она

давала возможность преподнести японское участие в проектах социально-экономического развития в странах третьего мира как вклад в обеспечение международной безопасности. Кроме того, она перекликалась с появившейся в Японии на рубеже 1970-х-1980-х годов концепцией комплексного обеспечения национальной безопасности, которая подчёркивала важность не только защиты от военных угроз, но и обеспечения безопасности в широком понимании. При премьер-министре К. Обути «безопасность человека» стала частью официальной японской внешней политики, хотя сначала имела чётко выраженный региональный характер. На Саммите тысячелетия в сентябре 2000 г. Ё. Мори назвал безопасность человека одним из столпов японской дипломатии, подчеркивая, что ООН должна играть более активную роль в её продвижении [12]. После неудачной кампании Токио по получению статуса постоянного члена СБ ООН концепция постепенно стала уходить из приоритетных направлений внешнеполитической повестки дня. Тем не менее она прочно закрепилась как руководящий принцип предоставления помощи развитию (упоминание о ней впервые появилось в среднесрочной программе ОПР 1999 г.) в таких областях, как, например, предотвращение вооружённых конфликтов, разоружение (в частности, уничтожение противопехотных мин), борьба с бедностью. Таким образом, Япония могла вносить вклад в обеспечение международной безопасности даже при существующих конституционных ограничениях, подтверждая успех внешней политики «глобальной невоенной державы».

В целом, характеризуя внешнюю политику Японии в 1990-е годы, можно сказать, что она прошла под лозунгом поиска своей роли в формировании нового мирового порядка. Курс на сотрудничество с ООН приобрёл новые очертания, выйдя за рамки привычной для Японии «экономической дипломатии». Сохранилась такая константа, как приоритетность отношений с США, однако Япония начала осваивать новые региональные направления, а также активизировала многостороннюю дипломатию в АТР, тем самым проявляя либерализм в своей внешней политике.

2000-е годы: рост реализма во внешней политике

Период после 11.09.2001 г. характеризуется повышением значимости фактора военной силы в международных отношениях, что нашло отражение в эволюции японской внешней политики, в

которой либеральные тенденции 1990-х годов стали отходить на второй план. Главной её характеристикой является значительное укрепление альянса с США и повышение роли Японии в нём. Правительство Дз. Коидзуми продемонстрировало безоговорочную поддержку США во время операций в Афганистане и Ираке, а также пошло на беспрецедентные шаги, направив Силы самообороны для обеспечения этих операций. В то же время участие Японии в международных коалициях в Афганистане и Ираке было минимизировано до той степени, чтобы продемонстрировать лояльность союзническим обязательствам, но избежать риска для Сил самообороны. Японцы ушли из Ирака в 2005 г, в 2010 г. завершили миссию в Индийском океане, а основной объём вклада в осуществление этих операций Япония постаралась свести к проектам по постконфликтному восстановлению и по линии «безопасности человека». Для этого была разработана концепция «консолидации мира», предусматривающая участие в политическом процессе, содействие обеспечению безопасности и оказание гуманитарной помощи, а постконфликтное восстановление стало важным новым направлением в пересмотренном в 2003 г. Уставе ОПР.

Политика Дз. Коидзуми и его преемников демонстрировала стремление повысить уровень взаимодействия с США. Проявлением этого стали размещение в Японии компонентов американской ПРО, передислокация ВС США, растущая роль Японии в обеспечении безопасности, принятие «Общих стратегических целей», зафиксировавших области совместных интересов в мире и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также конкретные ориентиры долгосрочного сотрудничества.

Исключением в проамериканской линии стал внешнеполитический курс лидера оппозиционной Демократической партии Ю. Хатояма, пришедшего к власти в 2009-2010 гг. Он предпринял попытку отойти от безусловной ориентации на США (пересмотреть вопрос о передислокации авиабазы Футэмма) за счёт сближения с Китаем и курса на создание Восточноазиатского сообщества. Быстрое падение правительства Ю. Хатояма и возврат его преемников к привычной ориентации на Вашингтон только подтвердили отсутствие жизнеспособной альтернативы политике, ставящей в центр альянс. Показательно, что политика оппозиционной Демократической партии в сфере безопасности не особо отличалась от политики либерал-демократов. Такие шаги, как ослабление запрета на экспорт вооружения, принятие концепции «динамичных сил обороны», шаги, направленные на

сдерживание Китая, были предприняты во время позднего правления ДЛЯ.

В конце 2000-х годов экономический подъём Китая (в 2009 г. он сместил Японию со 2-го места в мире по объёму ВВП), наращивание его военной мощи, а также наступательная стратегия в прилегающем морском пространстве привели к тому что в Токио усилилась тенденция к восприятию действий Пекина как вызова своей безопасности и как угрозы статус-кво в регионе. Влияние китайского и северокорейского факторов во многом предопределило схожесть политики ЛДП и ДЛЯ в сфере безопасности. Можно говорить о существовании консенсуса относительно необходимости укрепления военной роли и альянса с США, что создаёт благоприятные условия для неуклонного движения к «нормализации» Японии.

Политика С. Абэ: на пути к сильной Японии

Внешнеполитический курс премьер-министра С. Абэ, находящегося у власти уже более пяти лет, что по японским меркам рекордно долго, демонстрирует определённые чётко выраженные характеристики. Приход С. Абэ к власти и его первые инициативы заставили говорить о нём как о политике, деятельность которого может коренным образом изменить курс Японии. По мнению некоторых учёных, можно говорить о «доктрине Абэ», способной прийти на смену «доктрине Венда». Основные черты этой доктрины заключаются в наращивании собственных оборонных возможностей и снятии ограничений в сфере обороны, укреплении и достижении большей интеграции в рамках альянса с США, а также в реализации «дипломатии ценностей», на основе которой Токио преследует цели достижения лидерства в Восточной Азии и сдерживания Китая [13].

Безусловно, внешняя политика С. Абэ демонстрирует явно выраженный реализм. Его инициативы направлены на укрепление механизма обеспечения национальной безопасности, усиление оборонного потенциала, а также проведение активной внешней политики, нацеленной на развитие отношений с максимальным количеством внешнеполитических партнёров, расширение присутствия в различных уголках земного шара, наступательный стиль в отстаивании национальных интересов.

В 2012 г. С. Абэ вернулся к власти под лозунгом «Вернём Японию». Это означало не только забрать бразды правления страной

из рук правительства ДЛЯ, но и «вернуть Японию народу из послевоенного прошлого» [14], пересмотреть восприятие истории с левых позиций и избавиться от «комплекса побеждённого». Выступая в Центре стратегических исследований в Вашингтоне, премьер-министр заявил, что Япония не будет державой второго эшелона, тем самым обозначив отношение к позиции сторонников Японии как «средней державы», которая могла бы довольствоваться определённой нишей в международных делах и не стремиться к повышению своего статуса.

Япония как держава первого звена опирается на тесные отношения с США, укрепление собственного оборонного потенциала, а также проведение активной дипломатии. В своей парламентской речи в январе 2013 г премьер-министр обозначил задачу развития стратегической дипломатии, основанной на фундаментальных ценностях свободы, демократии, основных прав человека, верховенства закона [15].

По мнению японского политолога Т. Иногути, в политике С. Абэ можно проследить сочетание трёх возможных для Японии внешнеполитических сценариев: 1) классический реалистический курс, который состоит в сближении с США в ответ на возвышение Китая и осуществлении дипломатической стратегии балансирования и хеджирования; 2) трансформативный прагматический курс, направленный на возрождение страны через абэномику и упрочение своих позиций в Восточной Азии, и 3) либеральный международный курс, преследующий общую повестку дня по расширению глобальных либеральных норм и правил через многосторонние институты совместно с США и странами АТР [16].

Укрепление японо-американского союза безопасности остается главной внешнеполитической задачей С. Абэ. В Вашингтоне с удовлетворением отметили принятие в июле 2014 г. новой интерпретации 9 статьи Конституции, разрешающей применять ограниченное право на коллективную самооборону. С учётом новой трактовки в апреле 2015 г. были обновлены Руководящие принципы оборонного сотрудничества, снявшие географические рамки действия альянса. Расширяется спектр ситуаций, которые охватывают взаимодействие Японии и США, растёт уровень взаимной интегрированности их вооружённых сил. При этом сам С. Абэ подчёркивает, что усиление альянса не означает подчинение Японии США. Напротив, это признание равенства, поскольку союз укрепит потенциал сдерживания в регионе [17, с. 274].

Стремление Японии найти ответ на вызов со стороны Китая диктует, с одной стороны, укрепление альянса с США, наращивание военных мускулов и пересмотр некоторых аспектов оборонной политики, с другой стороны, приводит к активизации дипломатической стратегии, направленной на формирование антикитайского фронта. При С. Абэ Япония всё активнее сближается со странами, имеющими с Китаем территориальные разногласия, а также привлекает внерегиональных игроков к территориальным спорам в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях [18]. Сама Япония постепенно начинает более активно участвовать в делах безопасности Юго-Восточной Азии (например, морские учения, помощь береговой охране прибрежных стран, меморандумы о военном сотрудничестве и т. и).

Несмотря на достаточно жесткую риторику в отношении Китая, С. Абэ присущ прагматизм, что подразумевает реализацию стратегии не только сдерживания, но и вовлечения Китая в сотрудничество. Об этом может свидетельствовать наметившееся во второй половине 2017 г. сближение Токио и Пекина как в плане дипломатической риторики, так и в плане обсуждения проблем безопасности региона (прежде всего, ситуации вокруг КНДР), а также обозначенного С. Абэ интереса к инициативе «Один пояс - один путь», в частности, к сотрудничеству с Китаем по инфраструктурным проектам в Центральной Азии и в Африке.

Укрепление международной роли Японии включает более четкое определение приоритетов её внешней и оборонной политики. В декабре 2013 г. впервые была принята Стратегия национальной безопасности (СПБ), в которой определены национальные интересы страны в широком плане и поставлены цели и задачи политики по их обеспечению. Центральным понятием стратегии стал «активный пацифизм». В отличие от «пассивного» пацифизма времен холодной войны, основанного на неприменении силы, «активный» пацифизм разрешает её использование в целях поддержания международного мира и безопасности. С трибуны ООН в сентябре 2013 г. С. Абэ заявил: «Я сделаю возможным, чтобы Япония с позиций активного пацифизма была еще более вовлечена в меры коллективной безопасности в рамках ООН, включая операции по поддержанию мира» [19]. В сентябре 2015 г. были приняты законы, расширяющие полномочия Сил самообороны в миротворческих операциях, а также позволяющие им участвовать в операциях по урегулированию международных конфликтов, проводимых не под эгидой ООН, хотя это участие ограничено рядом условий.

Таким образом, укрепление военной роли Японии мыслится С. Абэ не только в реалистском ключе политики сдерживания, но и является отражением либерального курса на участие в поддержании международного мира. Большое внимание уделяет он и невоенному сотрудничеству, эффективному задействованию механизма ОПР не только для защиты национальных интересов, но и для обеспечения международного статуса Японии как одного из ведущих доноров ОПР и лидера в решении глобальных проблем, таких, как борьба с бедностью, содействие развитию.

В СПБ сказано, что Япония должна обладать силой, чтобы проявлять лидерство в формировании международной повестки дня и активном продвижении своих национальных интересов, не ограничиваясь реагированием на свершившиеся события и инциденты. При этом необходимо расширить дипломатический творческий потенциал и переговорную силу с целью углубления понимания и получения поддержки японской позиции в мировом сообществе [20]. Такие слова, как «активный», «стратегический», «лидерство», являются неотъемлемой частью внешнеполитического лексикона С. Абэ. Его политика направлена не только на обеспечение безопасности, но и на придание большего веса Японии в мире, распространение японских ценностей, большей активности в различных сферах международной жизни. В связи с этим наряду с усилением оборонного потенциала в японской внешней политике все более важное место занимает «мягкая сила».

Культурная и публичная дипломатия играют важную роль в осуществлении внешнеполитического курса премьер-министра С. Абэ. Свидетельством этому стало решение в 2015 г. значительно увеличить бюджет на нужды публичной дипломатии, а также выделить крупную сумму на финансирование японоведения в университетах и аналитических центрах за рубежом [21]. Еще в 2006 г. премьер-министр говорил о том, как «важно представить миру идентичность новой Японии, смотрящей в будущее, именно, наши идеалы, направление, в котором мы должны двигаться, а также свою «японскую сущность» [22]. Кроме того, культурная дипломатия является способом сглаживания опасений по поводу реформ оборонной политики в условиях обострившейся «войны слов» с Китаем и Южной Кореей по вопросам истории.

В то же время националистическая и ревизионистская риторика, присущая некоторым японским лидерам последних лет, и в особенности С. Абэ, негативно отражается на имидже страны в мире и во многом сводит на нет её мягкую силу. В то время как

Япония увеличивает ассигнования на публичную и культурную дипломатию, она сталкивается с недоверием и обвинениями в попытках «подкупить» общественность других стран [23]. Более того, некоторые учёные считают, что с точки зрения формирования мирового общественного мнения Токио проигрывает Пекину и Сеулу. Так, например, Китай молчит по поводу наращивания своего военного потенциала, однако раздувает проблему из отношения японских лидеров к истории, выражает опасения по поводу возможного возрождения японского милитаризма [24]. По мере роста значимости военной силы как инструмента японской внешней политики Япония сталкивается с задачей преодоления противоречий между «мягкой силой», опирающейся на послевоенный пацифизм, и «жесткой силой».

В академической среде можно выделить различные оценки политики обеспечения безопасности при С. Абэ. Так, например, многие склонны видеть в его инициативах отход от курса предыдущих правительств, сохраняющих ограничения в оборонной сфере [25].

Некоторыми учёными, напротив, нынешняя политика С. Абэ рассматривается не как нечто принципиально новое, а как иллюстрация привычной модели японского внешнеполитического поведения. Так, исходя из стратегии «перекладывания ответственности», повышенная японская активность во время ухудшения обстановки в Восточной Азии вписывается в логику поддержания баланса в отношениях с единственным военным союзником. Новое законодательство в сфере безопасности является скорее не существенным отходом от предыдущего курса, а новой версией известной стратегии: делать меньше, когда это возможно, и больше, когда необходимо [26].

Если следовать логике Т. Иногути и П. Бэйкона, то инициативы С. Абэ являются частью очередного цикла эволюции японской внешней и оборонной политики под влиянием внешней среды. Учёные опираются на наблюдения Г. Киссинджера, считающего, что Японии требуется в среднем около 15 лет для того, чтобы выработать ответ на важные политические события в мире. Пятнадцатилетие после окончания холодной войны (1990-2005 гг.) они называют периодом «глобальной невоенной державы», когда, взяв на вооружение концепцию «безопасности человека», Япония, как и Германия, начала участвовать в ОПМ и в проектах по экономическому восстановлению, особенно щедро выделяя ОПР на нужды стран третьего мира. Однако эпоха «глобальных невоенных держав» завершилась с событиями 11 сентября 2001 г,

продемонстрировавшими, что ни им, ни ООН, ни неправительственным организациям не под силу сократить разрыв со странами третьего мира и предотвратить появление «стран-изгоев». Повышение фактора силы в международных отношениях обусловило наступление нового витка эволюции японской политики обеспечения безопасности. Период с 2005 по 2020 г, ученые называют периодом «глобальной обыкновенной державы», когда в Японии большей поддержкой пользуется идея применения вооружённой силы в целях обороны [27].

Таким образом, несмотря на беспрецедентные шаги, предпринимаемые С. Абэ в сфере обеспечения безопасности, нынешнюю «нормализацию» Японии следует рассматривать не только и не столько как заслугу самого С. Абэ, сколько как закономерный этап развития страны под влиянием внешних факторов.

* * *

Эволюция японской внешней политики и политики обеспечения безопасности в целом является производной от действия многих факторов. В ней сосуществуют либеральные и реалистские тенденции, проявляются различные нормы. Преобладание той или иной зависит как от внешних условий, так и от восприятия страной своей идентичности. Если во время холодной войны японская внешняя политика была в основном ориентирована на защиту национальных интересов, особенно экономических, то сегодня Токио проявляет инициативу в обеспечении международной безопасности, причём делает это не только финансово, но и дипломатически, а также задействует Силы самообороны. Эта либеральная тенденция, проявившаяся в начале 1990-х годов, является характерной чертой японской политики предоставления помощи развитию, участия в миротворческих операциях, решения глобальных проблем, таких, как, например, защита окружающей среды или разоружение.

Сегодня во внешней политике преобладает реализм, связанный, прежде всего, с региональным и глобальным соперничеством Японии и Китая. Либерализм во внешней политике во многом будет зависеть от перспектив мирной интеграции Китая в международную систему, а также роли США в мировых делах. Тем не менее стремление к повышению международного влияния, не только в контексте получения постоянного статуса в СБ ООН, но и в контексте распространения своих ценностей и идеалов в мире приводит к тому что либерализм остается неотъемлемой частью нынешнего внешнеполитического курса.

За время пребывания С. Абэ у власти было предпринято беспрецедентное количество инициатив, направленных на «нормализацию» страны и создание сильной Японии, однако они по-прежнему ставят в центр понятие «пацифизм», тем самым способствуя сохранению послевоенной идентичности безопасности. Несмотря на наличие объективных условий, благоприятствующих снятию ограничений на оборонную политику, движение Японии к «нормализации» происходит довольно медленно.

Пацифизм продолжает оставаться основой внешней и оборонной политики страны, однако меняется его содержание. «Активный пацифизм», давно вошедший в общественный лексикон, однако ставший частью официальной политики только при С. Абэ, направлен не на сдерживание, а, напротив, на стимулирование международной активности Сил самообороны, поскольку подразумевает использование силы в благих целях обеспечения мира и безопасности. Постепенно меняется и отношение общества к вопросам политики национальной безопасности, многие темы, обсуждение которых было немыслимо еще несколько десятилетий назад, становятся предметом открытых дискуссий.

В целом же за период, прошедший со времени окончания холодной войны, Япония стала более активным игроком в международных отношениях. Она готова проявлять большую твердость в отстаивании национальных интересов, в том числе по территориальным вопросам, активно проецирует свою мягкую силу, выдвигает важные инициативы по глобальным проблемам. Адаптируя свою внешнюю политику к быстро меняющимся международным реалиям, она в то же время не стремится категорически отказываться от той модели, которая обеспечивала успех её послевоенного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. URL: <http://www.tradingeconomics.com/japan/gdp> (дата обращения: 25.12.2017)
2. Lind J. Pacifism or Passing the Buck? Testing Theories of Japanese Security Policy // International Security, Vol. 29, No. 1 (Summer, 2004), pp. 92-121.
3. Green M. Japan's reluctant realism. Palgrave Macmillan. 2003.
4. Japan in international politics. Ed by T. Berger. London. 2007. Pp. 259-290.
5. Hook G., Dobson H., Gilson J., Hughes Ch. Japan's international relations. London. 2001.

6. Oros A. International and domestic challenges to Japan's postwar security identity: 'norm constructivism' and Japan's new 'proactive pacifism' // *The Pacific Review*. Vol.28, 2015. P. 139-160.

7. Hirata K. Who Shapes the National Security Debate? Divergent Interpretations of Japan's Security Role // *Asian Affairs: An American Review*, 35:3, 123-151.

8. Samuels R. *Securing Japan: Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007. Pp. 100-13.

9. Бунгэй сьундзю : [Литературный альманах]. Апрель 1992. С. 132-145.

10. Funabashi Y. Introduction: Japan's international agenda for the 1990s // *Japan' international agenda*. Tokyo, 1995. P. 13.

11. Выступление премьер-министра К. Миядзава на 122 сессии парламента. Ноябрь 1991. Гайко сэйсё : [Голубые книги по дипломатии]. Токио, 1992.

12. Statement by H.E. Mr. Yoshiro Mori, prime minister of Japan at the Millennium Summit of the United Nations. 7 September 2000. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/un/summit2000/pmstate.html> (дата обращения: 15.12.2017).

13. Hughes Ch. An 'Abe Doctrine' as Japan's Grand Strategy: New Dynamism or Dead-End? // *The Asia-Pacific Journal*, 21 July 2015.

14. Абэ С. Атарасии куни-э. Уцукусии куни-э : [На пути к обновлённой красивой стране]. 2013. Токио. С. 254.

15. Дай 183 кай коккай ни окэру Абэ найкаку соридайздин сёсин хёмэй эндзэцу : [Выступление премьер-министра С.Абэ на 183 сессии парламента] // Канцелярия премьер-министра Японии. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement2/20130128syosin.html (дата обращения: 10.02.2018).

16. Inoguchi T. A call for a new Japanese foreign policy: the dilemmas of a stakeholder state // *International affairs*. July 2014, vol.90, no.4, pp. 943-958. URL: <http://www.chathamhouse.org>

17. Герасимова М. Размышления Абэ Синдзо о «красивой и обновленной Японии» // *Япония: консервативный поворот*. М., 2015. С. 258-274.

18. Добринская О. Ситуация в Южно-Китайском море и интересы Японии // *Азиатско-тихоокеанский регион: новый центр мировой политики и экономики*. Мировое развитие. Выпуск 17. ИМЭМО. М, 2017. С. 5-17.

19. Address by Prime Minister Shinzo Abe, at The Sixty-Eighth Session of The General Assembly of The United Nations, Thursday, September 26, 2013. URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/

[statement/201309/26generaldebate_e.html](http://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-e.pdf) (дата обращения: 15.12.2017).

20. URL: <http://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 10.02.2018).

21. URL: <https://www.reuters.com/article/us-japan-diplomacy-idUSKBN0M905M20150313> 12.03.2015. (дата обращения: 10.01.2018).

22. Выступление премьер-министра Абэ С. на 165 сессии парламента. 29.09.2006. URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/abespeech/2006/09/29syoshin.html> (дата обращения: 12.03.2018).

23. Добринская О. А. Реформы Абэ С. в сфере политики обеспечения национальной безопасности // Япония: консервативный разворот. М., 2015. С.236-257.

24. Nakamura T. Japan's new public diplomacy: coolness in foreign policy objectives. Мэдиа то сякай : [СМИ и общество]. №5. Р. 13.

25. Japan's foreign and security policy under the "Abe doctrine". New dynamism or new dead end? Hughes Ch. 2015. Palgrave Pivot.

26. Lind J. Japan's security evolution. Policy analysis 788. 25.02.2016. URL: <http://www.cato.org/publications/policy-analysis/japans-security-evolution#cite-39> (дата обращения: 12.03.2018).

27. Inoguchi T., Bacon P. Japan's emerging role as a 'global ordinary power' // International relations of the Asia Pacific. Vol.6, #1, 2006. Pp. 3-4.